

17. *Он же*. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
18. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
19. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
20. *Goodenough W. H.* Componential analysis and Study of Meaning // *Language*. 1956. V. 32.
21. *Lounsbury T. G.* A Semantic analysis of the Pawnee Kinship Usag // *Ibid.*

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

М. Ю. НОВИКОВА
Даугавпилсский пединститут

КОННОТАЦИЯ КАК МАКРОКОМПОНЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И КАК ЭСТЕТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЙ ПОДТЕКСТ

Исследуется специфика усиления коннотативных компонентов словесной семантики в речи под воздействием эстетически нагруженного контекста.

Рассматривая вслед за В. Н. Телия коннотацию как макрокомпонент лексического значения языковой единицы особого типа (экспрессивно окрашивающего), важно установить связь между структурными и функциональными характеристиками коннотации. С одной стороны, коннотативная модальность, обрамляющая лексическое значение, выступает как «часть» его, являясь принадлежностью системы языка. С другой стороны, получая эстетическое развертывание в пределах художественного текста, коннотация представляет собой подтекст, формирующий эстетическое значение слова на основе экспликации прагматической значимой субъективно-оценочной и стилистической маркированной информации. И здесь уже коннотацию целесообразно интерпретировать как категорию речи (текста), а не языка.

Совмещение в коннотации макрокомпонентных и подтекстных сторон может, на первый взгляд, показаться парадоксальным, но противоречивость в данном случае — только видимая. Как справедливо подчеркивает В. Н. Телия, «коннотация как макрокомпонент семантики слов и устойчивых выражений по составу своих микрокомпонентов... по их взаимодействию и по прагматической нацеленности как бы повторяет структуру той информации, которую обычно называют подтекстом. ...Универсальные механизмы эмотивно-стилистического воздействия могут различаться по форме воплощения, но не по смысловой нагрузке. ...В отличие от подтекста как частного случая коннотативности».

ции (разрядка моя.— М. Н.), в котором микроэлементы могут варьировать... коннотация, являющаяся принадлежностью лексического значения и напоминающая «свернутый» по смыслу подтекст, имеет определенную, обычно узуально зафиксированную структуру и правила комбинации ее элементов» [2, с. 134—135].

Чтобы показать, как в художественном тексте под воздействием эстетической функции языка происходит образное развертывание заложенной в общеязыковом значении лексической единицы коннотативной информации, рассмотрим «общеоценочные предикаты» (по Н. Д. Арутюновой) типа *красивый, счастливый* и др., функционирующие в прозе Ю. М. Нагибина.

Отметим, что эстетическая коннотативная модальность формируется в художественном тексте на основе общеязыковых характеристик лексического значения, развивая и усиливая их или же контрастируя с ними. В последнем случае общеязыковая модальность выступает своеобразной точкой отсчета, той эмоционально-оценочной установкой, которая в процессе ее опровержения становится основой для индивидуально-авторского прагматорического целеполагания.

Рассмотрим отдельные примеры¹.

Какая красивая семья! — радостно подумал Козырев.

Приведем контекст, необходимый для восприятия коннотативных приращений к общеязыковому значению прилагательного *красивый*:

Они были скромного, даже маленького роста, крупнее других — бабка, но так хорошо сложены, что малый рост не казался недостатком. Они словно принадлежали не к одной семье, а к одному редкому племени эльфов, вырождающемуся от собственной утонченности; Над самоваром колдовала старая хозяйка, еще красивая своим круглым, мягким, светлым лицом, возле нее крутилась прелестная курчавая, русая со стальным отливом, девчонка лет девяти... и т. д.

Об отце: — *Вы по-каковски лопочете? — спросил Муханов, которому до всего было дело. — А по-фински, — пояснил лесничий со своей кроткой улыбкой; Трудно было представить себе нежного голубоглазого эльфа, стреляющего рысь; и др.*

О матери: — *Я прямо-таки не видела таких нахалов, — с милой беспомощностью продолжала молодая хозяйка; Смех и радость находились близко к поверхности ее существа, их не нужно было извлекать со дна душевной ночи; Хозяйка запела песню. Голос ее, в разговоре тихий и мелодичный, звучал резко и визгливо, что-то жутковатое было в этом визге посреди влажной тьмы; и пр.*

¹ Здесь и далее примеры даны по изданию: Нагибин Ю. М. Собр. соч.: В 4 т. М., 1980.

О дочери: *...прелестная, курчавая, со стальным отливом девчонка лет девяти; Ее маленькое тело исходило будто электрической дрожью, а из стиснутых зубов вырывалось прерывистое шипение, словно она подражала точильной машине; Девчонка глядела на него яркими от ревнивой ненависти глазами, потом вихляясь и выламываясь, как это делают дети, желая разозлить взрослых, ускакала в чистую горницу.*

О сыне: *С печи свесился еще один обитатель сказочного дома: большой роскошный младенец — головастый, кормленный, весь в перетяжках, ямочках, складках, с круглыми, широко и неподвижно отверстыми в мир голубыми глазами и розовым влажным зевом. Муханов заметил младенца. — Ого! — сказал он. — Какой красавец! — Гвардеец! — добавил полковник, вызвав благодарную улыбку на миловидном лице бабушки. — Крепкий, — в холодном и странном прозрении решил Козырев; и т. д.*

О бабке: *— Ну, брысь отсюда! — прикрикнула бабка и, протянув к младенцу красиво оголившиеся руки, позвала: — Иди ко мне, маленький, иди к бабушке!; Вину свою замаливает, — откликнулась хозяйка. — Мы не хотели второго ребенка, она нас уговорила; Но насытившийся младенец ликующе орал: Бу-бу! — и бабкино лицо молодело в счастливой улыбке; и пр.*

Приведенные примеры отражают общую двуплановость повествования как эстетически значимый прием. С одной стороны, семейство лесничего поражает красотой внешнего облика, атмосферой дружбы и любви (поверхностный план), с другой стороны — неблагополучием, бытовой неустроенностью, беззащитностью, о которых читатель узнает постепенно (глубинный план).

Как видим, писатель постоянно фиксирует денотативный аспект значения прилагательного *красивый*, подкрепляет и развивает его. Действительно, физическая красота здесь декларативно не противопоставляется моральному уродству, а вызывает у центрального персонажа (и у читателя) только чувство «неясной», «смутной», «странной» тревоги. Причем тревога связана не столько с желанием защитить «красоту» от грубого, губительного для нее окружающего мира, сколько со стремлением безразлично отгородиться от нее (точнее, от носителей этой красоты).

Коннотативная модальность прилагательного *красивый* получает в данном художественном произведении эксплицитное подтекстное развертывание. Сначала подтверждаются положительно-оценочные характеристики общеязыковой коннотативной рамки (*Какая красивая семья!*) — *радостно подумал Козырев*), потом они ставятся под сомнение (*странная, словно закол-*

дованная), а затем полностью опровергаются, в результате чего прилагательное *красивый* становится контекстуальным синонимом слов *вырождающийся, неполноценный, таящий в себе опасность* и т. д.²

Интересно отметить, что и в других произведениях Нагибина прилагательное *красивый* получает аналогичное эстетическое коннотативное развертывание (так же, как и значение слов с общеязыковой позитивной коннотативной модальностью, например, *счастливый, великолепный, здоровый* и др.).

Так, персонаж рассказа «Друг дома», входящего в цикл «Книга детства», дядя Володя (или Володя Великолепный) очень одарен и внешне красив. Но не случайно автобиографический герой в конце рассказа взывает к богу: *Господи, сделай, чтоб я не был таким, как дядя Володя, когда вырасту... Как Владимир Борисович,— уточнил я во избежание недоразумений.— Сделай, чтоб я был совсем другим, очень тебя прошу!..; «Другим» — это значит профессионалом, а не «жалким дилетантом», обладающим привлекательной внешностью. Дядя Володя смотрит в этот маленький люк, лицо у него заинтересованное, доброе и какое-то незанятое и оттого словно бы жалкое. Нет, это неверно, лицо у него красивое, а чувство жалости — это мое, сам же дядя Володя нисколько за него не отвечает. И все же...*

Как видим, прилагательное *красивый*, не утратив своего «объективного» общеязыкового значения (персонаж на самом деле внешне привлекателен), приобрело субъективно-оценочные семантические наслоения, сформировавшие эстетическую коннотативную модальность: красота дяди Володи Великолепного ассоциируется с дилетантизмом, а поскольку его великолепие обманчиво, вызывает жалость, так как за красивой внешностью скрывается обаятельный лентяй и пустомеля.

Приведем другие примеры, отражающие развертывание коннотативного смысла в эстетически нагруженный подтекст.

Откуда во мне постоянное ощущение обмана окружающих? Словно я не тот, за кого меня принимают, и все мои слова и движения двусмысленны, ибо служат для поддержания маскировки. Чепуха! Я такой же, как и прежде, просто я долго болел,

² Ср. иную контекстную реализацию общеязыковой коннотативной модальности слова *красивый* в рассказе литовского писателя В. Милюнаса «Счастливые люди красивы». В данном произведении это прилагательное развивает свой позитивно-оценочный коннотативный потенциал в сторону еще более высокой окраски, что связано, видимо, со спецификой творческой направленности В. Милюнаса, который, описывая представителей своего народа, демонстрирует к ним сыновнюю любовь (с оттенком восторженной сентиментальности, на наш взгляд). Красота воспринимается как сопутствующая счастью, связанная с приятностью, гармоничностью внешнего облика, но особенно — с готовностью человека, живущего на лоне прекрасной литовской природы и в окружении соотечественников, радоваться любым приятным мелочам, ощущать себя счастливым в соприкосновении с природой и другими людьми.

ослаб и еще не набрал формы, мне приходится обороняться от слишком сильных раздражителей. Это не двуличие, а естественная самозащита... А все-таки в здоровых людях есть что-то вульгарное,— вдруг со злостью подумал он.

Слово *здоровый* воспринимается в контексте повести с добавочными смыслами «эгоистичный», «черствый», «равнодушный к окружающим», «больной духовно» и т. д. Подтекстная экспликация эмотивно-оценочной модальности выявляет потенции общеязыковых коннотаций в лексическом значении данного слова, которое имеет узואльно закрепленные актуальные положительно-оценочные характеристики. Вероятно, основанием для экспликации в подтексте отрицательной эмотивно-оценочной модальности является указание на физиологию в семантике слова *здоровый* и его производных, что может формировать ассоциативную оппозицию телесного и духовного, а следовательно, если первое оценивается положительно (*здоровый*, не имеющий болезней — что «хорошо»), то второе — в результате логического противопоставления — способно реализовать отрицательную модальность (физически *здоровый*, но...) [1, с. 141].

Изменение сферы референции (от духовного к физическому) определяет сниженно-негативный эстетический характер и прилагательного *счастливый* в таком примере:

Счастья и вы егеря со вкусом закурил самокрутку и, отдавая собеседника крепким махорочным дымком, радостно заговорил: — Сам посуди: я ж на государственной службе, пятьдесят в месяц беру, как бог свят, и, хотя сам при паспорте, жене в колхозе подсобляю. На круг выходит рублей семьдесят. ...Присовокупи к семейному бюджету пятнадцать рублей в месяц. ...Я получаю каждый год лицензию на отстрел лося — клади девяносто рубликов, окромя рогов и копыт. Я бью минимум шесть рысей в год, по четырнадцати рублей за штуку. Присовокупи еще семь рублей в месяц. Ты лося рассчитал? — Как рассчитал? — Ну, сколько будет поделить девяносто на двенадцать? — Семь пятьдесят. — Значит, выходит, семьдесят плюс семь пятьдесят, плюс семь — восемьдесят четыре рубля пятьдесят копеек.

Уже из этого примера видно, что счастье персонажа связано с материальным благополучием, ограничивается вещественными и физиологическими (*со вкусом закурил*) потребностями. Данную коннотативную модальность подкрепляет постоянное оценочно-характерологическое подчеркивание детали — улыбки егеря:

— Егеря Бобков, — представился он и так щедро улыбнулся толстоскулым лицом, что узковатые глаза превратились в щелки; ...егеря Бобков с громадным удовольствием внимал ученой полемике, как-то сыто и довольно пошмеиваясь. Его смешок не был бескорыстным проявлением легкой и доверчивой души, как у молодой хозяйки, он отражал

некую реальность, наделявшую егеря прочным удовлетворением сродни физиологическому счастью ...егерь не переставал вырабатывать из себя довольное урчание, отзываясь утробным этим смешком на каждое малое препятствие... смешком он как бы отмахивался от малости путевых невзгод, столь ничтожных перед полководьем захлестнувшего его счастья; и др.³

Итак, приведенные примеры показывают один из способов (по контрасту) развертывания общеязыковой (актуальной или потенциальной) коннотативной модальности, обрамляющей лексическое значение, в эстетически нагруженный подтекст. Исследование эксплицированных в пределах художественного текста субъективных эмотивно-оценочных характеристик, представляющих собой в «свернутом» виде коннотации как макрокомпонент лексического значения, позволяет расширить лингвистические представления о прагматически значимых единицах языка, о его функционально-эстетических потенциях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Караулов Ю. Н., Молчанов В. И. и др. Русский семантический словарь. М., 1982.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

С. П. ПЕТРУНИНА
Новокузнецкий пединститут

ПАРОНИМИЧЕСКИЕ ОГОВОРКИ В ДИАЛЕКТЕ

Описываются закономерности взаимозамены в контексте близкозвучащих слов, не имеющих семантического сходства, разграничиваются случаи паронимической оговорки и намеренной языковой игры, основанной на использовании паронимов.

Употребление паронимов нередко связано с речевыми ошибками. Говорящий их или не замечает и поэтому не исправляет, или, наоборот, замечает и правит свою речь. В первом случае

³ Ср. эстетическую коннотативную модальность прилагательного *счастливым* в повести Нагибина «Дорожное происшествие»: *А тебе легче, что ты не знаешь? — Легче. Старик встал и пошел — это я видел. Что было с ним дальше — не знаю. — Знаешь: он скоропостижно умер. — Ежедневно скоропостижно умирают сотни, тысячи людей. Все! Я не могу тратить на это остаток жизни. — Ты счастливый человек. Все вы счастливые люди.* Здесь счастливыми названы люди, которых не мучают угрызения совести за совершенное ими преступление.